

УДК 930.1

Последний приезд Г. П. Федотова в Саратов

А. В. Антощенко

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, antoshchenko@yandex.ru

В статье оспаривается мнение о мотивах и характере деятельности известного историка в Саратове в 1920–1922 гг. Опираясь на официальные документы, хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга и Саратова, а также источники личного происхождения, автор считает, что следует учитывать не только идеологические, но и жизненные, «приземленные» мотивы его поведения. Обвенчавшемуся незадолго до приезда в Саратов историку нужно было обеспечить пропитание своей жены и приемной дочери в суровых условиях гражданской войны в России. Среди причин отъезда из Саратова важными оказались опять же личные мотивы. Надежды на то, что в Саратове удастся избежать голода, не оправдались. К этому добавились опасения репрессий и отсутствие возможности завершить магистерскую диссертацию о раннем западноевропейском феодализме, используя только скромные ресурсы местной библиотеки. В итоге конфликт с коллегами в Саратовском университете стал лишь побудительным мотивом к возвращению Г. П. Федотова с семьей в Петроград.

Ключевые слова: биография Г. П. Федотова, историография Средневековья, советизация высшей школы в Саратове, Саратовское общество истории, археологии и этнографии, Музей общественного движения в Саратове.

George Fedotov's Last Visit to Saratov

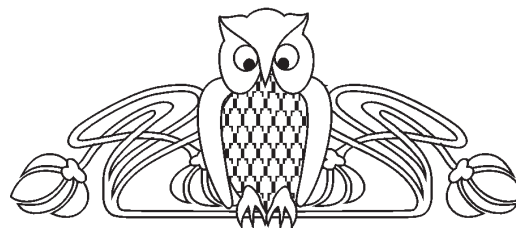
A. V. Antoshchenko

Aleksandr V. Antoshchenko, <https://orcid.org/0000-0002-2366-3750>, Petrozavodsk State University, 33 Linin St., Petrozavodsk 185910, Russia, antoshchenko@yandex.ru

The author of the article disputes the opinion about the motives and nature of the Fedotov's activities in Saratov in 1920–1922. Relying on official documents stored in the archives of St. Petersburg and Saratov, as well as sources of personal origin, the author shows that it is necessary to take into account not only ideological, but also vital, «mundane» motives of his behavior. The historian who was married shortly before arriving in Saratov needed to feed his wife and adopted daughter in the harsh conditions of the civil war in Russia. Again, among the reasons for leaving Saratov there were personal motives. Hopes that Saratov will avoid hunger were not justified. Moreover, there were some fears of reprisals and the inability to complete the master's thesis on early feudalism in Western Europe using the scarce resources of the provincial library. As a result, the conflict with colleagues at Saratov State University became only an incentive for the return of Fedotov and his family to Petrograd.

Keywords: biography of George Fedotov, historiography of medieval studies, soviet high learning in Saratov, Saratov History, Archaeology and Ethnography Society, the Public Movement Museum in Saratov.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-96-101>

Жизнь и творчество Г. П. Федотова (1886–1951) в последние годы стали предметом многочисленных исследований. Среди них можно назвать, прежде всего, монографии Д. Бон¹, Н. В. Зайцевой², Ю. В. Селивановой³, А. Ф. Киселева⁴ и А. А. Галямичевой⁵. Значительный вклад в пополнение биографии ученого новыми фактами внесли его земляки, саратовские краеведы, которые приступили к изучению материалов местного архива. Особо следует отметить З. Е. Гусакову⁶, обобщившую свои изыскания в специальной статье о саратовском периоде жизни Г. П. Федотова⁷, а также С. Каткова и С. Лукина, обратившихся к документам о его революционной деятельности в Саратове⁸. Однако ограниченность обращения лишь к документам Государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО) и воспоминаниям вдовы историка Е. Н. Федотовой даже при рассмотрении «саратовских эпизодов» биографии историка демонстрирует одна из последних по времени попыток такого рода А. А. Галямичевой. Не приводя в подтверждение никаких свидетельств источников, она дает патетическую оценку факту последнего приезда Г. П. Федотова в родной город: «Этот шаг видится нам его решительной попыткой найти свое место в новой России, служить своему народу, оставаясь самим собой»⁹.

Зная, что Георгий Петрович не был апологетом патетики и чутко улавливал связь пафоса с патологией¹⁰, хотелось бы осветить последний приезд историка в родной город, опираясь как на источники официального происхождения, которые лишь формируют представление о внешней, событийной стороне жизни, так и источники личного характера (прежде всего – аутентичные, в данном случае – эпистолярные), позволяющие понять мотивы его поступков. При обращении к мемуарам будет сделана необходимая поправка на специфику этого источника, оценки в котором даются значительно позже произошедшего в соответствии с замыслом и особенностями характера их составителя.

Мне уже приходилось писать о мотивах возвращения Г. П. Федотова в Саратов¹¹. Главным среди них оказалась забота о пропитании вновь созданной семьи. 15 июня 1919 г. он обвенчался с Е. Н. Нечаевой и удочерил ее ребенка от первого брака, трехлетнюю Нину. Лето они провели в Луге, а осень – в Петрограде.

В начале нового, 1920 г., Г. П. Федотов поехал в Саратов сначала один, «для чтения лек-

ций в Саратовском университете», как значилось в заявлении на командировку и удостоверении, разрешающем поездку на период с 20 января по 20 марта 1920 г.¹² Однако не менее важным для него было восстановить здоровье после перенесенного сыпного тифа¹³. В конце мая 1920 г. факультет общественных наук Петроградского университета, преподавателем которого Г. П. Федотов еще оставался, чтобы избежать принудительной мобилизации¹⁴, разрешил ему новую, теперь уже длительную, командировку в г. Саратов «с 1 июня 1920 по 1 июня 1921 г. для чтения лекций в местном Университете без сохранения содержания»¹⁵. Получив удостоверение «для беспрепятственного выезда его из г. Петрограда в г. Саратов и обратного возвращения по окончании срока командировки в Петроград» и рассчитавшись с университетской библиотекой¹⁶, Георгий Петрович уволился из Публичной библиотеки¹⁷. Вслед за ним это же сделала его жена¹⁸, что свидетельствовало об их согласованном решении.

В Саратове Г. П. Федотов оказался в кругу своих давних знакомых по Петербургскому университету, среди которых Е. Н. Федотова в воспоминаниях упоминала учеников С. Ф. Платонова – декана факультета общественных наук Саратовского университета С. Н. Чернова и вернувшегося незадолго до этого из далекого Томска в родной город П. Г. Любомирова, а также философов – В. Э. Сеземана, окончившего историко-филологический факультет Петербургского университета в 1909 г., и С. Л. Франка. Правда, последние вскоре покинули Саратов. В. Э. Сеземан вернулся в Петроград, а С. Л. Франк переехал в Москву. Отношения с остальными коллегами не отличались особой близостью. По замечанию Е. Н. Федотовой, «профессорская среда не давала почвы для глубокого философского и религиозного общения. Отношения были скорее светскими»¹⁹.

Георгий Петрович стал профессором не только университета, но и Института народного хозяйства, созданного Рабочим кооперативным крайсоюзом и кредитным союзом для подготовки «кооперативных и других практических деятелей общественного хозяйства»²⁰. Такое совместительство было характерным для его коллег, стремившихся тем самым хоть как-то увеличить свое жалование. Если в институте его лекции по экономической истории Европы собирали огромные аудитории, то в университете в силу специального характера его курс по средневековой истории «проходил при двух, трех слушателях»²¹. Однако это не стало причиной пренебрежительного к нему отношения начинающего преподавателя. Напротив, Г. П. Федотов рассматривал этот курс как главный в своей преподавательской деятельности и подготовил для проведения семинарских занятий со студентами специальное пособие «Gesta abbatum Fontanellensium», изданное фа-

культетом общественных наук²². «Но самыми интересными для него были, – по свидетельству Е. Н. Федотовой, – частные студенческие кружки религиозно-философского типа, как в Петербурге. Очевидно, они отвечали большой внутренней потребности. В конце концов, число участников приняло размеры, опасные для небольшого города, и кружки пришлось прекратить»²³. О своевременности такого решения свидетельствует письмо Г. П. Федотова И. М. Гревсу от 18 апреля 1921 г.: «Здесь мы пережили весной острый рецидив террора, связанный с крестьянскими и рабочими волнениями. В результате наш ректор (Зернов) и двое других профессора арестованы и увезены в Москву за религиозную пропаганду. В местном обществе жертвы более многочисленны. Есть и расстрелянные. Временами жить становилось очень тяжело»²⁴. О точности этой характеристики свидетельствуют «Записки» В. Д. Зернова²⁵, в предисловии к изданию которых, написанном В. А. Соломоновым, также отмечаются факты усиления репрессий в то время²⁶.

Отчасти тяготы повседневной жизни скрашивало участие в Саратовском обществе истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ)²⁷, созданном на основе Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) в июне 1920 г. Г. П. Федотов был избран членом комиссии по рекомендации своих университетских товарищей А. А. Кроткова и С. Н. Чернова еще 17 мая 1914 г.²⁸ Во время краткого пребывания в родном городе в начале 1920 г. он возобновил свою связь с ней. 16 февраля Георгий Петрович присутствовал на общем собрании членов СУАК, а в марте поделился своими впечатлениями о докторском диспуте А. Е. Преснякова²⁹. На собрании в апреле его кандидатура была рекомендована к избранию в члены исторической секции, а на следующем собрании – в мае – единогласно утверждена³⁰. Позже он стал членом правления ИСТАРХЭТ³¹.

Как свидетельствуют протоколы, Г. П. Федотов достаточно регулярно посещал заседания исторической и археологической секций общества ИСТАРХЭТ³² и неоднократно выступал в прениях. Его замечания зафиксированы при обсуждении докладов А. А. Гераклитова об изображении льва на золотоордынских монетах, В. А. Бутенко о политических взглядах Ф. Гизо, по сообщению Г. А. Ильинского о книге московского профессора М. К. Любавского «История западных славян»³³. Любопытно, что Г. П. Федотов, как участник революционного движения в Саратове не без удивления подметил в докладе «Из недавнего прошлого: бывшая Саратовская губернская власть в ее отношении к местной прессе (по архивным материалам)», сделанном А. Н. Штылько (в работе А. А. Галямичевой фамилия докладчика воспроизведена неточно)³⁴, «новую для него мысль докладчика о том, что

местная власть, смелая в своих популяризациях по борьбе с печатью, на деле оказывалась бес- сильной, скованной юридическими нормами»³⁵.

Г. П. Федотов и сам выступал с докладами, основанными на результатах его исследований. Наибольший резонанс имело его выступление 27 ноября 1921 г. на торжественном заседании ИСТАРХЭТ, приуроченном к 600-летию со дня смерти Данте и посвященном его памяти. «В собрании присутствовали члены и гости общества числом свыше 300 человек», к которым с приветственным словом обратился председатель собрания профессор Б. М. Соколов, охарактеризовавший «в ярких словах» культурное значение великого итальянского мыслителя. Затем профессор В. А. Бутенко сделал доклад на тему «Данте и Возрождение», профессор Г. П. Федотов «Об утопии Данте»³⁶, а профессор С. Н. Чернов прочел несколько отрывков из «Божественной комедии» Данте³⁷.

В своем выступлении Георгий Петрович возвращался к результатам своих исследований почти десятилетней давности в семинаре И. М. Гревса, но актуализировал их указанием на то, что современная историческая эпоха больна нигилизмом и аполитизмом, т. е. утратой социального идеализма и высокого политического идеала, который был свойственен Данте. Реконструкция этого идеала в духе историографии, опирающейся на принцип понимания (дельтеевское «*verstehen*») как противоположное «*erklären*»), означала овладение не только тезаурусом политического словаря итальянского писателя, но и стилем его мышления. Г. П. Федотов убедительно продемонстрировал способность к тому и другому. Он раскрыл как единство содержания, так и логическую связь, возникающую в произведениях Данте (прежде всего в его трактате «О монархии» и отчасти в «Божественной комедии») между обособываемыми им понятиями политической доктрины. В результате слушатели смогли проследить вместе с докладчиком логическое движение мысли Данте от «цели политики» к «потенциальному интеллекту», раскрывающемуся в «духовной потенции» всего человечества в виде «теоретического и практического разума» и, наконец, в «мудрости», требующей «общего и вечного мира». Это позволяло понять мысль великого итальянца о всеобщем мире как «высшем благе, определенном для нашего блаженства» свыше и о гарантирующем этот мир «единстве», являющемся «не рассудочно заданной целью, но целью данной и природной человеческому роду, который в свою очередь мыслится не оторванным, но связанным с единством мира и единством Бога»³⁸.

Для раскрытия соотношения понятий «многое» и «единое», историк обратился к анализу «дискурсивной аргументации» Данте³⁹, как поразительно по-современному назвал ее Георгий Петрович. Г. П. Федотов показал, как по логике

итальянского мыслителя «единая власть должна опосредовать человечество с властью или властителем вселенной, *qui est Deus*»⁴⁰. Помимо развития основного логического силлогизма Данте, он рассмотрел и ряд его специальных аргументов – «от правосудия, от справедливости и свободы», которые придавали рассуждениям итальянского мыслителя полноту, но нарушали их стройность. Наконец, Георгий Петрович отметил исторические и психологические аргументы автора трактата «О монархии». Все это в совокупности позволило докладчику выяснить аристотелевские истоки мысли Данте и оценить, опираясь на свое знание наследия Августина и деятелей Каролингского просвещения, вклад великого итальянца в развитие трех основных идей Средневековья – «единство, мир и справедливость», которые дополнились этическим прославлением свободы, столь дорогой самому Г. П. Федотову. Позже он попытался опубликовать работу о Данте, в которой содержались основные положения доклада. Однако, даже если бы намеки на политическую актуальность и ироничные слова о «тени» Ленина в аду были бы опущены автором, основная мысль Данте о монархии как «универсальной власти», возвышающейся «над всеми царствами и республиками»⁴¹, не могла быть пропущена советской цензурой, несмотря на то, что принадлежала мыслителю, жившему много веков назад. А без нее все последующие рассуждения Г. П. Федотова, который сам никогда не был монархистом, теряли всякий смысл.

Другой доклад «Государство перед судом церкви в Мерovingскую эпоху», сделанный Г. П. Федотовым в ИСТАРХЭТ в следующем году⁴², также основывался на его предшествующих исследованиях. Позже он был опубликован (очевидно, в переработанном виде) под названием «Чудо освобождения»⁴³. В нем Георгий Петрович обосновывал и развивал свое наблюдение, сделанное еще в годы магистерской учебы, о духовной мощи (*virtus*) святых епископов, которой наделяло их средневековое сознание простого народа⁴⁴. Правда, обстоятельства проявления этой мощи – при освобождении осужденных узников – делали доклад очень злободневным, так как рождали аллюзии с современностью. Однако в тексте доклада никаких намеков на исторические параллели не содержалось, что и обусловило возможность его выхода в свет в сборнике статей, посвященном юбилею научной деятельности Н. И. Кареева⁴⁵.

Активное сотрудничество в ИСТАРХЭТ определило еще одно поле деятельности Г. П. Федотова. 25 декабря 1920 г. Георгий Петрович был избран заведующим Музеем общественного движения, созданным в феврале этого же года на базе выставки, подготовленной к съезду советов Саратовской губернии. 18 января следующего года он «принял дела и имущество музея в свое веде-

ние»⁴⁶. В планы музея входило разыскание «следов народнической пропаганды», которая велась в губернии в 1870-х гг. А. И. Иванчиным-Писаревым, В. Н. Фигнер, Г. В. Плехановым и другими, запись воспоминаний еще живых участников группы «Народное право», созданной жившим в Саратове М. А. Нагансоном, а также мемуаров других «политических образований», сбор материалов об общественном движении 1900-х гг. и о революции 1917 г.⁴⁷ Не скрывавший симпатии к народничеству даже в пору своего увлечения большевизмом⁴⁸, Г. П. Федотов серьезно взялся за это дело. В июне 1921 г. он был командирован в Петроград, где изучал опыт организации работы Музея революционного движения ГА-ИМК. Для разыскания и приобретения имеющих музейное значение материалов он ездил также в Царицын, а в родном городе неоднократно обращался в Губполитпросвет с просьбой о выделении средств на приобретение «фотографических экспонатов, связанных с исторической жизнью Саратовской губернии и в частности города Саратова»⁴⁹. 26 марта 1922 г. председатель ИСТАР-ХЭТ С. Н. Чернов поблагодарил Г. П. Федотова «за его работу по разборке и приведению в порядок Музея общественного движения»⁵⁰.

Сведения об активном участии Г. П. Федотова в работе учреждения, пропагандистская суть которого рано или поздно должна была проявиться со всей очевидностью, позволяют правильно осмыслить причину его отъезда из Саратова, которая подробно описана в воспоминаниях его вдовы, представившей Георгия Петровича принципиальным антисоветчиком. Позже этот мотив был подхвачен А. А. Галямичевой, указывающей на бескомпромиссность историка⁵¹ и не замечающей, что это утверждение противоречит фактам, приводимым ею самой. Бескомпромиссностью, переходящей в ригоризм, отличалась сама Елена Николаевна, которую Г. П. Федотов долгие годы считал гарантом собственного нравственного чувства. Позже, в 1940 г., уже накануне отъезда из оккупированной Франции Г. П. Федотов писал жене: «Дело в том, что – ты, может быть, этому не верила, а я не показывал – для меня твоя нравственная личность всегда была главной опорой. Я привык как-то верить правильности твоих нравственных суждений и реакций. Были преувеличения, но основной инстинкт тебя не обманывал»⁵². В воспоминаниях она приписала этот мотив бескомпромиссности своему мужу, забывая, что даже в эмиграции он стремился найти положительные черты в советской действительности, как это было, например, в скандально известной статье «Правда побежденных», в которой он перечислял «благодетельные» большевиков⁵³.

Елена Николаевна писала, что причиной решения уехать из Саратова стал конфликт с коллегами, возникший в результате нежелания Георгия Петровича принимать участие в торжественном

шествии по случаю установления шефства факультета общественных наук над фабрикой под красным знаменем и при пении Интернационала, так как «это противно его политическим и религиозным убеждениям». Этот поступок вызвал «бурю негодования среди коллег, упрекавших его в желании сохранить “чистые ризы” за их спинами и в ущерб интересам университета, – констатировала Е. Н. Федотова. – Что же было бы, если бы никто не пошел? Для Г. П. [Федотова] стало совершенно ясно, на какой скользкий путь вступает советская высшая школа, и он оставил ее окончательно, понимая, что ему с его строгой принципиальностью там не место. Впоследствии, наблюдая за тем, что творилось в высших школах Петербурга и Москвы, он называл позицию русских ученых круговой порукой подлости»⁵⁴.

Последнее указание вновь, как и в случае с провидением Октября, идущего вслед за Февралем, приписанным Георгию Петровичу вдовой *post factum*⁵⁵, позволяет говорить, что оценка Елены Николаевны дается явно *post festum*. Даже если признать конфликт побудительным толчком к отъезду, его мотивы лежали глубже. Пониманию их может способствовать уже цитированное письмо Г. П. Федотова к И. М. Гревсу от 18 апреля 1921 г., в котором Георгий Петрович писал: «Но если говорить о будущем, то надолго отказ от собственной научной работы и тягостен и преступен. Поэтому я опять стою на распутье, и мы с Лялей обсуждаем разные планы. Я решил в мае ехать в Петербург и с Вами посоветоваться обо всем. Лучше не писать на бумаге всего, что можно передать лично. Я хотел, было, провести в Петербурге месяца два, чтобы поработать в библиотеках, но, кажется, для этого не хватит денег – при надвигающемся общем голоде»⁵⁶. Поездка состоялась благодаря его командировке как директора Музея общественного движения, но, по-видимому, она не рассеяла сомнений относительно того, оправдано ли пребывание в Саратове с точки зрения тех целей, которые ставились при принятии решения перебраться на родину. Условий для научных исследований и публикации их результатов явно не было. Интерес студентов к основному предмету изучения Георгия Петровича был не выше, чем в Петрограде, где, как казалось, положение в университете меняется к лучшему. «Слышали мы от многих, приезжающих из Петербурга, – продолжал Георгий Петрович в том же письме учителю, – что Вам лично, как и многим другим, в этом году жилось не худо, сравнительно с пережитыми бедствиями. Дай Бог, чтобы теперь в этом отношении не наступило перемен к худшему. Насколько новые сносные условия жизни отразились на университетской работе, я не могу себе и представить. В этом отношении мы живем точно в разных государствах. С Москвой связаны гораздо теснее. Но из Москвы идут только одни гадости»⁵⁷.

Наконец, еще одно обстоятельство, отмеченное выше, – надвигающийся голод, которого Федотовы никак не ожидали, планируя свой переезд в Саратов. В общем-то, согласие принять на себя обязанности директора, как и преподавание в Институте народного хозяйства, который предполагалось включить в состав университета с 1923 г., были не в последнюю очередь продиктованы необходимостью увеличить сумму жалования. Но и жалование становилось все более эфемерным в условиях исчезновения продуктов, которые можно было бы купить. О последнем красноречиво свидетельствовала командировка Георгия Петровича с 8 по 15 октября 1921 г. в Тамалу «для заготовки продовольствия [для служащих и профессоров университета]»⁵⁸. Думается, что все эти обстоятельства определили окончательное решение вернуться в Петроград, которое было только ускорено возникшим конфликтом.

О том, что возвращение не было внезапным решением, свидетельствует и тот факт, что во время поездки летом 1921 г. в бывшую столицу Г. П. Федотов восстановил свои связи с Петроградским университетом, факультет общественных наук которого направил его вновь в Саратовский университет «для чтения лекций в местном университете с 14-го июля по 1 августа с [его] г [ода]»⁵⁹. Видимо, уже тогда он подумывал вернуться в город на Неве, что и сделал в следующем году.

Таким образом, рассмотрение причин приезда в Саратов Г. П. Федотова с семьей, а затем возвращение в Петроград не может быть ограничено возвышенными идейными соображениями. Должны учитываться личные мотивы, какими бы приземленными они не казались. В данном случае принципы истории повседневности вполне применимы к деятельности не только «рядовых» людей прошлого, но и тех, кто оставил заметный след в развитии интеллектуальной культуры, кого принято называть «выдающимися личностями», ибо «ничто человеческое им не чуждо».

Примечания

- ¹ *Beane D. G. P. Fedotov ce qui demeure... : Reflexions sur la revolution russe. Aix-en-Provence : Publications de l'Université de Provence, 1990.*
- ² См.: *Зайцева Н. В. Логика любви : Россия в историко-ософской концепции Георгия Федотова. Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 2001.*
- ³ См.: *Селиванова Ю. В. Социально-политические взгляды Г. П. Федотова : идеи, проблемы, прогнозы. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003.*
- ⁴ См.: *Киселев А. Ф. Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). М. : Логос, 2004.*
- ⁵ См.: *Галямичева А. А. Георгий Петрович Федотов : жизнь и творческая деятельность в эмиграции. Саратов : Наука, 2009.*
- ⁶ См.: *Гусакова З. Е. Из биографии философа, историка и публициста Г. П. Федотова // Советские архивы. 1991. № 6. С. 87–89 и др.*
- ⁷ См.: *Гусакова З. Е. Георгий Федотов и Саратов // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов, 2008. С. 171–181.*
- ⁸ См.: *Катков С., Лукин С. Возвращение (к биографии Георгия Федотова) // Годы и люди. Вып. 7. Саратов, 1992. С. 37–41.*
- ⁹ *Галямичева А. А. Указ. соч. С. 34–35.*
- ¹⁰ См.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 745. Ед. хр. 31. Л. 17 об.
- ¹¹ См.: *Антощенко А. В. Долгие сборы в Саратов (к биографии Г. П. Федотова) // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 72–82.*
- ¹² См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 1. Д. 10765. Л. 46, 47.
- ¹³ См.: *Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд-е. Paris : YMCA-Press, 1988. С. XIV.*
- ¹⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10765. Л. 31, 38, 43.
- ¹⁵ Там же. Л. 48.
- ¹⁶ Там же. Л. 50–51.
- ¹⁷ См.: *Михеева Г. В. К биографии русского философа Г. П. Федотова // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 101.*
- ¹⁸ См. Приказы № 46 и 48 за 1920 г. // Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1 (1918). Д. 129, Л. 82–82 об.
- ¹⁹ *Федотова Е. Н. Указ. соч. С. XV.*
- ²⁰ ГАСО. Ф. Р–332. Оп. 1. Д. 122. Л. 10–11 ; Д. 230. Л. 6 ; Д. 250. Л. 24, 31.
- ²¹ *Федотова Е. Н. Указ. соч. С. XV.*
- ²² См.: *Галямичева А. А. Указ. соч. С. 37.*
- ²³ *Федотова Е. Н. Указ. соч. С. XV.*
- ²⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – СПбФ АРАН). Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 3–3 об.
- ²⁵ См.: *Зернов В. Д. Записки русского интеллигента. М. : Индрик, 2005. С. 233–234.*
- ²⁶ *Соломонов В. А. Владимир Дмитриевич Зернов и его воспоминания // Зернов В. Д. Записки русского интеллигента. С. 16.*
- ²⁷ См.: *Гусакова З. Е. Штрихи к биографии члена ИС-ТАРХЭТ Г. П. Федотова // Краеведение и архивное дело в провинции : исторический опыт и перспективы развития. Саратов : Локатор, 2006. С. 76–79.*
- ²⁸ См.: *Общий отчет о деятельности Комиссии за 1914 год // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 177.*
- ²⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 346. Л. 20 ; Д. 350. Л. 12 об.
- ³⁰ См.: *Галямичева А. А. Указ. соч. С. 34.*
- ³¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 389. Л. 1, 3.
- ³² Там же. Д. 349. Л. 1 ; Д. 346. Л. 20–21 ; Д. 362. Л. 15 ; Д. 363. Л. 14 ; Д. 366. Л. 1, 5, 7, 8.
- ³³ ГАСО. Ф. 407. Д. 365. Л. 2 ; Д. 366. Л. 7 об., 8 об.
- ³⁴ Ср.: *Галямичева А. А. Указ. соч. С. 39.*
- ³⁵ ГАСО. Ф. 407. Д. 346. Л. 21 об.
- ³⁶ См.: *Федотов Г. П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 1. М. : Мартис, 1996. С. 301–311.*

- ³⁷ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 328. Л. 4 ; Д. 362. Л. 16–17 об.
- ³⁸ Федотов Г. П. Об утопии Данте // Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 1. С. 306.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 307.
- ⁴¹ Там же. С. 304.
- ⁴² См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 312. Л. 4 об. ; Д. 328. Л. 8.
- ⁴³ См.: Федотов Г. П. Чудо освобождения // Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 1. С. 124.
- ⁴⁴ Ср.: Антощенко А. В. Г. П. Федотов : годы магистерской подготовки // Средние века. 2014. № 75 (1–2). С. 326–327.
- ⁴⁵ Федотов Г. П. Чудо освобождения // Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева. Пг. ; М. : Мысль, 1923. С. 72–89.
- ⁴⁶ Галямичева А. А. Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁷ Там же. С. 39 (сн. 33).
- ⁴⁸ Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 12. М., 2008. С. 17.
- ⁴⁹ Галямичева А. А. Указ. соч. С. 40 (сн. 40–41).
- ⁵⁰ Там же. С. 40.
- ⁵¹ Там же. С. 43.
- ⁵² Письмо Г. П. Федотова к Е. Н. Федотовой, 30 сентября 1940 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Ms Coll Fedotov. Box 2. Folder : G. P. Fedotov to his wife. 1940.
- ⁵³ См.: Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 4. М., 2012. С. 323–347.
- ⁵⁴ Федотова Е. Н. Указ. соч. С. XVI.
- ⁵⁵ См.: Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 12. С. 202–209.
- ⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 2.
- ⁵⁷ Там же. Л. 2 об.
- ⁵⁸ ГАСО. Ф. Р–332. Оп. 1. Д. 178. Л. 116.
- ⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10675. Л. 53.

Образец для цитирования:

Антощенко А. В. Последний приезд Г. П. Федотова в Саратов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 96–101. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-96-101>

Cite this article as:

Antoshchenko A. V. George Fedotov's Last Visit to Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 96–101 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-96-101>